

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Легенды

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Легенды

«Public Domain»

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Легенды / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,

«Пять легенд, созданных Маминым-Сибиряком, занимают небольшое, но своеобразное место в его творчестве. В 1889 году писатель обратился в „Общество любителей российской словесности“ со следующими строками: „Каждое лето мне приходится путешествовать по Уралу, и по пути я не упускаю случая записывать все, что касается этнографии и вообще бытовой обстановки этого обширного и разнообразного края. Между прочим, мне хотелось бы заняться собиранием песен, сказок, поверий и других произведений народного творчества, поэтому решаюсь обратиться к Обществу с просьбой – не найдет ли оно возможным выдать мне открытый лист для указанной выше цели...“...»

Содержание

Вступление	5
Баймаган	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Легенды

Вступление

Пять легенд, созданных Маминым-Сибиряком, занимают небольшое, но своеобразное место в его творчестве.

В 1889 году писатель обратился в «Общество любителей российской словесности» со следующими строками: «Каждое лето мне приходится путешествовать по Уралу, и по пути я не упускаю случая записывать все, что касается этнографии и вообще бытовой обстановки этого обширного и разнообразного края. Между прочим, мне хотелось бы заняться собиранием песен, сказок, поверий и других произведений народного творчества, поэтому решаюсь обратиться к Обществу с просьбой – не найдет ли оно возможным выдать мне открытый лист для указанной выше цели...»

15 апреля 1889 года Мамин-Сибиряк получил свидетельство на «право собирания песен и других произведений народной словесности».

Урал Мамин изъездил вдоль и поперек всюду общаясь с людьми из народа. «Умел Мамин располагать к себе людей. Приезжаешь, бывало, в деревню, ... а около него целая группа мужиков. Дмитрий Наркисович их расспрашивает, они рассказывают. Говорят и о земле и о местных чудесах и легендах», – вспоминает И. В. Попов, постоянный попутчик Мамина в его путешествиях (статья за подписью «П. Б.» в сборнике «Урал», Екатеринбург, 1913 г., стр. 79).

Особенно интересовало и волновало Мамина положение малых народностей. Еще в своих ранних очерках «от Урала до Москвы» писатель, чуждый буржуазному национализму и великодержавному шовинизму, глубоко возмущался преступной политикой царизма, обрекавшего многие народы на истребление. Он считал, что «Вопрос... о судьбах населяющих Сибирь инородцев представляет капитальную важность, если проследить его шаг за шагом, вплоть до наших времен, когда все эти жалкие самоеды, остяки, вогулы, тунгузы, юкагири, коряки, камчадалы и пр. на наших глазах вымирают не по дням, а по часам. Водка, сифилис, кабала и эксплуатация русских промышленников, произвол и безучастное отношение русской администрации... – вот плоды той роковой цивилизации, от одного прикосновения которой инородцы гибнут и вымирают...» («Русские ведомости», 1881, № 288).

В одном из очерков этой серии, «Пермь – Казань», Мамин говорит о Чердынском уезде, где еще «живы все обычаи, существуют все поверья»: «...Мы можем указать, как на пример, на свадебные обряды и целый, в высшей степени замечательный цикл свадебных женских песен. Даже в чтении эти обряды и песни производят потрясающее впечатление своей глубиной, выстраданной поэзией и исторической правдой. Эти песни богаты такими оборотами, сравнениями, образами, не говоря уже о прекрасном старинном языке, каким они сложены...»

В записных книжках писателя имеется множество Народных поговорок, пословиц, упоминаются мотивы народных песен, легенд.

Изучение устного народного творчества помогало писателю понять думы и чаяния народа, проникнуть в его характер, изучить его обычаи и нравы.

В письме к В. А. Гольцеву, редактору «Русской мысли», от 31 мая 1898 года Мамин писал: «Книжка легенд образовалась по следующему поводу. Меня поразила шекспировский тип хана Кучума, и я хотел написать на эту тему историческую трагедию. Пришлось заняться историей и этнографией, а главное – языком. Пришлось сделать так: для трагедии я решил написать сначала легенду о Кучуме, а чтобы написать эту легенду, пришлось написать в смысле упражнения остальные» («Архив В. А. Гольцева», т. 1. Книгоиздательство писателей, М., 1914).

Создать трагедию шекспировского типа Мамину не удалось, но и в написанных легендах герои – сильные, яркие личности, они динамичны, в них побеждают благородные чувства. В журнале «Русская мысль» (книга V, 1898 г.) появилась рецензия, в которой неизвестный рецензент писал: «Мамин-Сибиряк передает стародавние сибирские сказания, в которых вымыслы народной фантазии тесно переплетаются с подлинными историческими преданиями, сохранившимися в памяти зауральских инородцев. Господин Мамин собрал пять легенд и придал им изящную литературную форму, причем мастерски сохранил дух и тон киргизов, сложивших эти повествования.

...Одна легенда, озаглавленная именем ее героя, „Баймаган“, представляет нам старинное жите-бытье кочевых киргизов – богача Хайбибулы, его красавицы дочери Гольдзейн, его старой жены и бедняков – рабочих Баймагана и Урмугуза, пасших его табуны... Остальные легенды – „Майя“, „Лебедь Хантыгая“ и „Слезы царицы“ – имеют в своей основе, несомненно, исторические предания и очень интересны тем, что изображают нам суровое, грозное велико-лепие среднеазиатских ханов, живших в сказочно-роскошных дворцах».

Мамин-Сибиряк, несомненно, гордился этим видом своего творчества. Поэтому его не удовлетворила роль «собирателя» легенд, отведенная ему рецензентом. В том же письме от 31 мая 1898 года к В. А. Гольцеву Мамин отстаивает свою самостоятельность в создании легенд: «Если что мной заимствовано, то исключительно язык, восточные обороты речи и характерные особенности в конструкции самой темы. Затем из истории взята только основа легенды о Кучуме, за исключением завязки. Все остальное, то есть содержание всех легенд, характеристики действующих лиц, типы и завязки, всецело принадлежит мне и никакими посторонними материалами я не пользовался и ничего не собирал» («Архив В. А. Гольцева», т. 1, Книгоиздательство писателей, М., 1914).

В 1898 году все пять легенд были выпущены отдельной книжкой.

Баймаган

I

«Хороша киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось над ней бездонным куполом, хороши звездные степные ночи, но лучше всего новый кош¹ старого Хайбибулы, в котором он живет вместе со своей старухой Ужиной и молоденькой дочкой Гольдзейн». Так думает молодой Баймаган, работник Хайбибулы, думает и поет:

В небе звезды,
И в коше Хайбибулы звезды...
Там и ночью светит солнце!
А в голове Баймагана,
Мысли, как птицы.

– У меня много-много мыслей, и все они, как степной ковыль, гнутся в одну сторону, – говорил Баймаган, когда они вместе с другим работником Урмугузом пасли косяк кобылиц. – У Хайбибулы всего много... Старая лисица катается как сыр в масле, а я ничего не возьму за свои мысли, Урмугуз.

– Дурак ты, Баймаган... – лениво отвечает Урмугуз, покачиваясь на высоком киргизском седле. – Какие мысли могут быть у таких бедняков, как мы с тобой?.. Ты глуп, Баймаган, а Хайбибула умен... У Хайбибулы двести лошадей ходит в степи, у Хайбибулы пять лучших иноходцев, у Хайбибулы новый кош, целый сундук с деньгами и красавица дочь. У бедных людей должна быть одна мысль: не лечь голодным спать.

Обидно Баймагану слушать такие слова своего приятеля, который никогда ни о чем не думает, точно киргизский баран. Да, Баймаган – бедняк, но это не мешает ему видеть и слышать то, чего не видит один Урмугуз.

У Баймагана каждый раз дрогнет сердце, как подстреленная птица, когда он вечером с косяком кобылиц возвращается к кошам. Издали эти коши точно потерянные в степи шапки, одна большая и две маленьких. Из большой в холодные ночи весело поднимается синий дымок – это старая Ужина вечно что-нибудь стряпает, чтобы угодить мужу. Вот около этого огонька в коше старой лисицы Хайбибулы и бьется молодое сердце бедняка Баймагана, потому что вместе с дымом по вечерам из коша несется песня красавицы Гольдзейн.

II

У Хайбибулы новый кош, который стоит рублей пятьсот, – он из лучших белых кошм, а внутри по стенам развешаны дорогие бухарские ковры. Тут же стоят сундуки, набитые всяким добром – рубахами, бешметами, халатами. У Гольдзейн свой сундук, весь обитый белой жестью, точно серебряный; в нем копится приданое для того счастливец, которому достанется Гольдзейн.

– Кто даст калым в сто лошадей и пятьсот рублей деньгами, тому и отдам Гольдзейн, – хвастается Хайбибула, когда с гостями напьется кумыса. – Будь хоть без головы жених, мне все равно... Сто лошадей и пятьсот рублей деньгами.

---

¹ Кош – круглая киргизская палатка из войлока. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

Пьяный Хайбибула непременно бранится с женой и каждый раз повторяет:

– Ты мне надоела, Ужина... Вот получу калым за Гольдзейн и прямо с деньгами поеду под Семипалатинск: там в кошах живут два брата, Кошгильда и Яшгильда, богатые киргизы, и у обоих по молоденькой дочери. Которую хочю, ту и возьму, а тебе, старой кляче, пора отдохнуть.

Когда Гольдзейн весело распевает свои песни, старая Ужина горько плачет, потому что Хайбибула непременно женится на молоденькой и сживет ее, Ужину, со свету. Он уже двух жен в гроб заколотил, а она – третья, и ее заколотит. Старый волк любит молодую козлятину, и погубить человека ему ничего не стоит, а все считают его хорошим, ласковым мужем.

«Лучше уж мне самой умереть...» – думает Ужина, думает и плачет, вспоминая молодое время, когда щеки у ней были румяные, глаза светились, сама была толстая да белая и когда Хайбибула говорил ей лстивые, ласковые речи.

Скоро износилась красота Ужины. Бессонные ночи, работа, дети и мужнины побои развеяли по ветру девичью красоту, а Хайбибула ее же попрекает дорогим калымом.

Никто не жалеет старухи, а Гольдзейн нарочно отвертывается, чтобы не видеть слез матери. Глупая девка только и думает, чтобы поскорее выскочить замуж за богатого жениха, а родная мать ей хуже чужой.

Как-то пьяный Хайбибула сильно избил Ужину, и она едва вырвалась от него. Убежала и спряталась за кошем. Ночь была темная, а на душе Ужины было еще темнее. Стала она просить себе смерти, потому что никому-никому, ни одному человеку не жаль ее.

– Эй, Ужина, не плачь... – прошептал над самым ухом старухи знакомый голос.

– Это ты, Баймаган?

– Я... Я все вижу и знаю. погоди, вот женюсь на Гольдзейн, тогда и тебя возьму к себе. Славно заживем...

– Да ты с ума сошел?... У тебя ничего нет...

– Э, погоди, все будет... Старая лисица Хайбибула сам будет ухаживать за мной... Вот я какой человек, Ужина!

Это ласковое слово глупого парня согрело душу Ужины, как солнечный луч, и ей сделалось жаль Баймагана: аллах велик, у аллаха всего много, что стоит аллаху бросить росинку счастья на Баймагана? Все может быть...

– Слушай, Баймаган, никогда-никогда не женись на Гольдзейн, – шептала старая Ужина, – в ней волчья кровь... Женись лучше на Макен: вот мой совет за твое доброе слово позабытой всеми старухе.

III

Около коша Хайбибулы в стороне стояли два старых, дырявых коша, в которых жили пастухи и работники. В одном жил кривой пастух Газиз с дочерью Макен, а в другом – Баймаган с Урмугузом. Очень бедно было в коше Газиза, а у Баймагана с Урмугузом совсем ничего не было, кроме хозяйских седел да разной сбри. Спали оба работника на лошадиных потниках. Сквозь прогоревшие кошмы пекло солнце и лился дождь, точно аллах хотел каждый день испытывать терпение молодых пастухов.

Все хозяйство Газиза вела Макен, и она же постоянно помогала старой Ужине, точно работница, хотя скупой Хайбибула не платил ей ни гроша, разве когда подарит ей обноски после Гольдзейн. Макен работала, как лошадь, и ходила чуть не в лохмотьях. За работой она пела такие печальные песни и каждый раз смолкала, когда мимо проходил Баймаган.

– Он хороший человек, – говорила Ужина, не называя Баймагана по имени.

– Хорош, да не для меня... – отвечала Макен и тяжело вздыхала.

Аллах мудро устраивает человеческие дела: Урмугуз любил Макен, Макен любила Баймагана, а Баймаган любил гордую Гольдзейн. Баранчуками² они все росли вместе, а потом вышло вон что. Старый Газиз видел все это, но молчал, потому что аллах велик и знает лучше нас, как и что делать. Урмугуз думал про себя, что Макен первая красавица во всей киргизской степи и что Гольдзейн приворожила глупого Баймагана своими песнями и богатыми нарядами. В праздники Гольдзейн всегда щеголяла в шелковом полосатом бешмете, заплетала свои черные волосы в мелкие косички, в уши надевала дорогие, тяжелые серьги, а всю грудь увешивала серебряными и золотыми монетами, которые так весело звенели у ней на ходу.

Баймаган подолгу смотрел на нее с разинутым ртом или старался чем-нибудь услужить. Гордая красавица совсем не замечала Баймагана и только иногда любила посмеяться над ним, особенно когда тут же была Макен.

– Баймаган, скоро у тебя будет сто лошадей и пятьсот рублей денег? – спрашивала Гольдзейн, толкая Макен локтем. – Смотри, мне, пожалуй, надоест ждать, и я как раз выйду за другого... У меня уж есть три жениха.

Гольдзейн весело смеялась, а у Баймагана замирало сердце от этого смеха, и он начинал ненавидеть Гольдзейн. И чем больше она смеялась над ним, тем больше он ее любил.

Проклятых сто лошадей бедный пастух часто видел во сне, а деньги даже искал у себя под изголовьем. Перестала бы Гольдзейн смеяться над ним, когда бы он принес Хайбибуле пятьсот рублей старыми серебряными монетами и выставил в поле свой собственный косяк лошадей... Всего сто лошадей и пятьсот рублей. Баймаган день и ночь стал думать, как добыть дорогой калым, похудел и ходил как в воду опущенный.

Хайбибула прежде сам был беден, и вся степь знает, откуда пришло его богатство: он сначала сам воровал лошадей по казачьей уральской линии, а потом стал только сбывать краденый скот.

– Это люди болтают из зависти, – говорил кривой Газиз. – Аллах все видит...

IV

Баймаган возненавидел Хайбибулу и за глаза бранил его самыми скверными словами. Тут доставалось и толстому брюху Хайбибулы, и его красному носу, и седой голове, которая думала о молоденьких девчонках. Когда в урочные часы старик выходил из коша на молитву, расстилал под ноги коврик и падал ниц, приложив раскрытые ладони к ушам, Баймаган испытывал глубокое чувство отвращения к этому старому ханже, который хочет обмануть самого аллаха.

– Кажется, я убил бы эту старую лисицу! – говорил Баймаган своему другу Урмугузу. – Его деньги нажиты кровью, он загубил двух первых жен, теперь губит третью и хочет жениться на четвертой, чтобы согреть свою старую волчью кровь молодой... О, как я ненавижу этого Хайбибулу!..

Хитрый старик заметил косые взгляды Баймагана и время от времени любил подшутить над ним. Бессильная злоба бедняка забавляла Хайбибулу.

Раз в праздник, когда в коше и перед кошом сидели гости, Хайбибула сказал Баймагану:

– Баймаган, покажи гнедого иноходца гостям... Впрочем, у тебя заячье сердце, пусть приведет лошадь Урмугуз.

Это было сказано нарочно, чтобы подзадорить Баймагана и потешить гостей отчаянной скачкой. Гнедой иноходец был еще необъезженной лошастью и никого не пускал на себя. Обида засела глубоко в сердце Баймагана, и он захотел показать перед всеми, что ничего не боится и что Хайбибула напрасно его обижает.

---

² Баранчук – ребенок, дитя. (Прим Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

Иноходца едва поймали на два волосяных аркана, подвели к кошу, и Баймаган птицей сел на спину дрожавшей от страха лошади.

– Смотри, упадешь!.. – крикнул вслед Хайбибула. Началась самая отчаянная скачка на необъезженной лошади, старавшейся сбить седока. А Баймаган видел только улыбавшееся лицо Гольдзейн, которая смотрела на него из коша вместе с гостями. Да, он приведет лошадь к кошу смирную, как овечку, или ему не видать Гольдзейн, как своих ушей.

Лошадь и человек боролись отчаянно несколько часов. Баймаган уже чувствовал, что лошадь начинает уставать и скоро будет в его руках, как ребенок. Но в этот момент она сделала неожиданный прыжок в сторону, и Баймаган слетел на землю. Все это случилось в одну секунду, и бешеное животное с удвоенной силой понеслось в степь, стараясь освободиться от тащившегося на аркане наездника. Баймаган крепко держал веревку обеими руками и решил лучше умереть, чем выпустить лошадь.

Через полчаса иноходец прибежал один, а Баймагана нашли в степи без чувств. Он лежал весь избитый: голова, лицо и плечи были покрыты глубокими ранами от лошадиных копыт.

V

Баймаган лежит в своем дырявом коше. За ним ухаживает старая Ужина, которая знает много хороших степных трав. Иногда в кош завертывает Макен и молча садится у входа. Больной никого не узнает и все бредит.

Ему ужасно тяжело и все кажется, что он скачет на проклятом иноходце. Лошадь бьет его задними ногами прямо в голову, и Баймаган страшно вскрикивает. Долго-долго носит его по степи взбесившийся иноходец, а когда он открывает глаза, то видит над собой дырявую кошму своего коша и слышит точно сквозь сон голос Ужины:

– Не шевелись, Баймаган... Будешь жив, если не будешь шевелиться. Все идет хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.